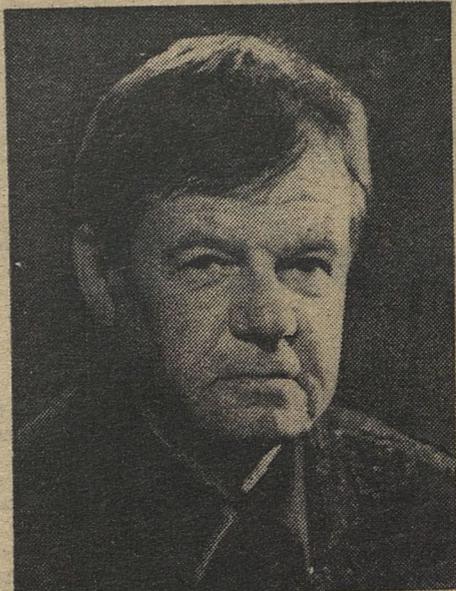

МАСТЕРА — МОЛОДЫМ

Леонид МАРТЫНОВ:

«Я ОТВЕТИЛ СТИХАМИ И ПРОЗОЙ...»

— Знакомо ли вам наслаждение от чтения как будто бы совершенно ненужных книг? — застал меня однажды врасплох неожиданным вопросом Леонид Николаевич Мартынов и убежденно продолжил: — Если вы, взявшись, скажем, за лирическую, биографическую прозу, чувствуете, что не можете занимательно строить повествование, удерживать интерес читателя, задумайтесь вот о чем: личных впечатлений, наблюдений может быть много, но мало прочитано лишнего, самого неожиданного. А именно после такого чтения появляются уверенность, отработанные движения, умение завлекать. Ведь все, что происходит вокруг, — невероятно сюжетно. Всегда что-то творится, подобно драме, но до времени скрыто от нас. Надо научиться подстергать и передавать сюжетность происходящего... Вы вспомните, как жадно и всеядно читал Джек Лондон. О биографии его я не говорю. Не обязательно ее повторять, ездить между вагонами — у каждого из нас свое пиратство и свой рыбацкий патруль. Но писа-

телю обязательно надо быть бродягой, странником. И одержимым читателем...

Тот разговор врезался в память, и я попросил поэта продолжить его на страницах газеты, ответить на вопросы для рубрики «Мастера — молодым». Мартынов был категоричен:

— Я не люблю подобных уроков. У меня нет времени писать о том, как я пишу, ибо надо писать то, что я пишу. Терпеть не могу обычных начал интервью: писатель сидит в своем кабинете, у книжных полок, и прочее. А где же он должен сидеть — верхом на заборе? Но главное — на подобные вопросы я уже ответил стихами и прозой. Кстати, новая книга прозы — в отличие от «Воздушных фрегатов» — более литературоведческая, чем биографическая. Я жду ее выхода (ведь юбилей писателя лучше всего отмечать новыми книгами). Так вот, в ней будет немало раздумий над вечными вопросами творчества. Но и без того достаточно напечатано. Пишите. Я доверяю коллегам.

«Ответил стихами и прозой...» — эта фраза определила форму мысленно продолженной беседы с поэтом. Конечно, радостно, что судьба порой дарует возможность непосредственно встретиться с такими мудрыми, необыкновенными собеседниками, как Леонид Мартынов, но самое естественное и тесное общение с писателем, по-моему, происходит над страницами его книг. В тишине и одиночестве, когда ты сам счастливо находишь ответы на волнующие вопросы. И как ни велика польза от чтения «ненужных, лишних» книг, хочется снова и снова обращаться к любимым строчкам, размышлениям и высказываниям поэта, чье творчество для тебя необходимо. Итак, начнем задавать вопросы...

— То и дело вспыхивают бурные дискуссии о нынешнем состоянии поэзии. Какой она должна быть в наш беспокойный

век, в эпоху НТР? Критика часто говорит об интеллектуализме поэзии Мартынова, космических мотивах его творчества, изощренной игре ума, чуть ли не научно-фантастических предвидениях. Что же думает один из новейших поэтов о современной поэзии?

Когда создаются
Сложнейшие вещи —
Подобия солнцу,
заменители луны —
Слова об искусстве
все чаще и резче
Звучат в мегафоны
с высоких трибун:
О том, чтоб оно
точно так же ковалось,
Космической мощи
задачи верши...
Но надобно знать,
что давно стосковалась
Об очень несложном
людская душа —
Чтоб творчество,
полное внутренней мощи
И многообразное,
как никогда,

Держало бы стать
по возможности проще,
Как — попросту — солнце,
Как просто звезда!

— Да, величественная и труднодостижимая простота. Как же преодолевается сложный путь от замысла к воплощению, к простоте? И какое стихотворение вы считаете законченным, до конца передавшим вашу мысль?

О, если бы писали мы
О том лишь,
что доподлинно известно, —
Подумайте,
о трезвые умы,
Как было бы
читать неинтересно!

Не думал бы Колумб,
что Индия достиг,
И Данте не изобразил бы
ада,
И множества других
докладов, песен, книг

Была бы недоступна нам
улада.

Пойду — у папы римского
спрошу:
— В непогрешимости
удобный обломат
Вы верите еще? —
И точно опишу,
Как губы папы
От улыбки
Дрогнут.

— Я люблю эмбрионы или заготовки стихов. Я люблю их потому, что иногда в стихотворении есть теза, но нет антитезы, не говоря уже о том диалектическом отрицании отрицания, которое должно венчать стихотворение в целом. Но вот проходит какое-то время, что-то в тебе вызревает, накапливается, нарастает, и часто мелькнувшая — даже во сне! — строка придает стихотворению ту внутреннюю диалектичность, которая служит для меня синонимом законченности и завершенности.

— Для меня образцом такой внутренней диалектичности, блистательного разрешения поэти-

ческой мысли является ваше знаменитое стихотворение:

Мы
Старые поэты,
Нас по счету
Не меньше,
чем поэтов молодых,
От нас никто не требует
отчета,
Ни от морщинистых,
ни от седых.

Мы
Старые слова
Перебираем,
Что повторяли много,
много раз,
И иногда мы будто
умираем,
И на мгновенье
забывают нас.

Но
Между тем
Мы часто воскресаем
И старые основы
потрясаем!

Я часто ловлю себя на мысли, что вы по духу один из самых молодых из нынешних поэтов — по свежести взгляда на мир, жажде поиска, обновления изобразительных средств и необыкновенной работоспособности, не убывающей с годами. Можете ли вы вспомнить хоть день без строчки?

— Да я, знаете ли, работал беспрерывно... Только однажды, будучи в Будапеште, я поскользнулся на улице и по-дурацки сломал ногу... Попал в больницу и, кажется, тогда некоторое время не писал... но и то друзья принесли в палату множество венгерских стихов, и я занялся переводами.

О поразительной широте переводческой деятельности Леонида Мартынова не дает представления даже книга «Поэты разных стран», где собраны его переводы, Артю Рембо, Эдгар По, Ян Неруда и Пабло Неруда, Шандор Петефи и Юлиан Тувим — всех привязанностей не перечислить. Более того, в молодости поэт дерзко попробовал переадресовать — с русского на чопорный английский — уличные и солдатские песни и даже... сибирические частушки. Что же исповедует мастер перевода? Возможно ли соблюсти в переводе абсолютную точность?

ПИСАТЕЛЬ И ТВ

«ГОЛОС ЯВИ ПОДСТЕРЕЧЬ»

От печки
Я оттер бы Гоголя:
— Свои творения губя, —
Я крикнул бы ему, —
не много ли
Берете, сударь, на себя?! —
И, может быть,
хоть пачку листиков
Я выхватил бы из ося,
Чтоб он послушался
не мистиков
И не аскетов,
А меня!

Поэтический автопортрет? Во всяком случае, явно штрихи к автопортрету Леонида Мартынова. Когда, предвзято собирая своих сочинений, он пишет: «Я твердо уверен, что... этот трехтомник не нуждается ни в предисловии, ни в послесловии», — он прав. Действительно же, все ясно из стихов. Авторы нового документального телефильма «Леонид Мартынов. Земная ноша», очевидно, согласны со своим героем.

Так появилась возможность увидеть не инсценированный «вечер» вопросов и ответов, не скрупулезный путь в Родное, когда всякая малость кажется и обязательной, и значительной. Мы увидели много больше. Мы увидели крепкого, размашистого Мастера.

Совсем не так редко авторы и герои документальных телефильмов, особенно о мастерах культуры, старательно вспоминают смешные истории из жизни, почему-то в первую очередь хотят повеселить аудиторию. Слово глубокий разговор о жизни и искусстве ей не по плечу.

Во имя чего живет человек? Что дает его труд обществу? Вряд ли размышления на такие темы сопутствуют каждому дню писателя. Однако в многократном поиске конкретных творческих решений они присутствуют всегда, в них берет начало периодическая тяга к обобщению собственного пути в искусстве. Кинематографическая группа редакции литературно-драматических передач ЦТ — режиссер Б. Конухов, оператор В. Ахнин, редактор Т. Земскова — сделала телевизор свидетелем одного из таких моментов в жизни художника.

«Мое видение мира прекрасно. Это мой читатель должен почувствовать», — говорит с экрана 75-летний Леонид Мартынов. — Я как поэт никогда не брал на себя роль пророка. Я писал о том, что я знаю и чувствую.

Фильм убеждает: Мартынов много знает и мощно чувствует, он действительно живет стихом. Стихи Мартынова — во многом биография времени примерно за последние 50 лет. Что же мы

видим в этой биографии на телеэкране?

Развернутый, расстеленный кадрами старой кинохроники динамичный комментарий к поэзии Мартынова: от памятных примет революционной ситуации начала века до Турксиба, от старого Томска до новой Москвы, от полуграмотного, полуголодного энтузиазма 20-х до охраны природы от человека в 70-х. Все это и есть поэтическая судьба Леонида Мартынова. По его словам, чувство прародины проснулось в нем от соприкосновения с человеческими массами, особенно с рабочими первых пятилеток.

Телезритель узнает о времени и о поэте, не выходя из «мастерской» поэта. Герой на экране крупным планом. На наших глазах память Мартынова не столько фиксирует, сколько оценивает и отбирает. Например, с какой радостью поэт вдруг спрашивает нас и себя: «Был ли я футуристом?!» С каким восторгом он отвечает нам и себе: «Конечно, был!»

Авторы телефильма точно уловили поэтический, человеческий дар Мартынова соединять — и притом самым естественным образом, не вызывая удивления — весьма различные вещи из окружающего человека мира, самые разноплановые проблемы, совершенно непохожих людей. В те-

лефильме «Земная ноша» найдены органичные хроникально-иллюстративный и пейзажный «ряды». Они отвечают не только характеру избранного жанра, но и художническому характеру героя ленты — Леонида Мартынова. Это — как лексика Мартынова, в которой есть все — от избытка изысков. Сработала логика завершенности, логика художественной сбалансированности. Простота изобразительных средств фильма совпала с широтой поэтических пристрастий именно Мартынова. Время от времени кажется, будто стихов в фильме мало, а кино — много. В такие моменты мы, может быть, с наибольшей четкостью понимаем, каким образом просто талантливым человеком может стать талантливым поэтом.

Мартынову чужды академическое безстрастие призрачного мастера и объективизм. Его моголог в фильме неотделим от эмоционального восприятия своего и чужого стиха. Его простая речь экспрессивна. В ней звучит основное — влюбленность в мир, который каждый раз начинается для поэта заново, и поэтому речь поэта раскованна и непосредственно-образна. Поэта привлекают принципиальные вопросы революционного преобразования Родины и в этом свете — ее поэтическая биография. Кому-то могло почудиться, что

увлекшийся Мартынов впадает в чрезмерные преувеличения или слишком субъективен. Напрасно. Это в нем от душевной щедрости, так полно выявленной телефильмом. Вспомним: острожные педанты, лишённые воображения, никогда не бывают жертвами даже собственных иллюзий. А здесь — поэт! Стихи — не пассивное слушание, а процесс, возвышающий и облагораживающий.

«Я понимал, — говорит Мартынов с экрана, — то, что я вижу, еще при моей жизни станет совершенно иным». Вот где истоки крылатой мартыновской фразы (его начинается книга его прозы «Воздушные фрегаты»): «В конце концов пора начать». Эти слова, думаю, стали и девизом авторов фильма.

Бесконечные начала, скажем, от начала коллективизации до начала космической эры, как и стихи, звучащие за кадром, движут сюжет фильма. Наверное, лишь в таком жизненном ритме темперамент Мартынова может «голос яви подстеречь».

Есть писатели, для которых собственный интеллект стал камнем на шее. Они в плену у своей эрудиции. Их мысли не могут взлететь. Для Мартынова знания — полемическая трибуна. Пользуясь ею, он с удовольствием обращается к телеаудитории. «Полемическая трибуна» такого типа явно соответствует поэтике жанра документального телепортрета. Любопытно в этой связи, что выход поэта из «мастерской» к разрытым легко-

— ...Кто своего в чужое не добавил? Так поступали всюду и всегда! Любой из нас имеет основание добавить, беспристрастие храня, в чужую скорбь свое негодование, в чужое тление — своего огня. А коль протак взялся бы за работу, добавил бы в чужие он труды: трудолюбив — так собственного пота, ленив — так просто-напросто воды.

В этих строках мудрая убежденность мастера, что личность поэта скажется во всем, прорвется сквозь любые условности и формальные ухищрения. Леонид Мартынов — крупнейшая личность современной поэзии — не уместается в жесткие рамки школ, направлений, обойм и кратких характеристик.

Журнал «Октябрь» опубликовал в прошлом году прозу ни на кого не похожего поэта под названием «Черты сходства». Перед нами распахнулся необъятный мир, полный движения, — степи, уходящие к Балхашу, старая Москва, парижские музеи; прошла целая галерея ярко очерченных характеров, объединенных идеей взаимосвязанности судеб. И все это — на нескольких страницах, которые снова заставили подумать прежде всего о чертах отличия и самобытности художника.

Но все-таки что может кратко сказать поэт сам о себе?

— Про меня иногда пишут, что я философ, мыслитель, чуть ли не учитель жизни. Так напечатали, например, однажды в молодежном журнале «Смена». Я не одобряю таких писаний. Я отмахиваюсь от этого. «Бросьте толкать меня на такое самозванство!» — говорю я. Мне кажется, что во всех таких провозглашениях больше политики, чем правды. И те, кто поддается на такие провозглашения, чаще всего ставят себя в положение вольных или невольных самозванцев, которые, в сущности, суть лишь игрушки судьбы.

А я — это я, и никто больше, чем лирический поэт Леонид Мартынов, обладающий лишь своими собственными, отнюдь не философскими предками и лишь своей большой или малой неповторимостью.

Вел беседу
Александр БОБРОВ

мысленной туристской рукой курганам или его монолог о камнях не кажутся в контексте фильма обязательными. Правда, мы, безусловно, обязаны понять и принять справедливую «разъясненность» поэта консервативностью своих настоящих и будущих оппонентов.

Подобно тому как существует множество типов поэтического мышления и развития, существуют и соответствующие жанры поэзии — от конкретной лирической, литературно-живописной до обобщенной или ассоциативной. Мартынов своим телемонологом как бы подчеркивает: в любом случае вне содержания нет ни поэзии, ни искусства вообще. Мартынову, таким, каким он предстал в фильме, очень подошли бы слова академика-литературоведа А. И. Белецкого: «Никогда я не думал о том, что целью жизни является подготовка собрания собственных сочинений, и всегда меня больше интересовали произведения других авторов». Поэтому-то фильм «Земная ноша» и превратился в монолог Леонида Мартынова о самом главном, с чем художник подошел к своему 75-летию: о принципиальной линии советской поэзии — о ее социальной активности. И когда выявлено именно это, когда идея работы творческого коллектива ЦТ именно в этом, можно совершенно спокойно поразмышлять о просчетах телефильма — следовательно, о путях развивающегося жанра документального телепортрета.

Владимир АЛЕКСАНДРОВ